

Наталья Тимофеева
В начале было слово

мысли в стихах, фельетон, пародии

Наталья Тимофеева

В начале было слово. Мысли в стихах, фельетон, пародии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349237

ISBN 9785449664198

Аннотация

Это и стихи, и не стихи. Много думается в тишине, на воле, далеко от дома, которого нет. Во что превратилась страна, пережившая страшную трагедию 1917 года, не видит только слепой. Жертвы телевизора вряд ли станут читать эти строки, но на них книга не рассчитана. Вновь поднимают головы те, кто генетически расположен к уничтожению русского народа, к подлости и предательству страны, любовь к которой они меряют подобострастием к правящему режиму. Судить тебе, читатель, хорошо ли это и что тебя ждёт. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

В начале было Слово	5
«Склоняюсь пред роскошеством твоим...»	6
«Лавандово-полынный ветер пряно...»	8
«Мечь тиранов – сырое блюдо...»	9
Романс перед грозой	11
Без Бога	12
«Бастарды века, парии страны...»	13
«И промолчали. И свершился век...»	14
«Судьба меня не баловала...»	16
«Компромисс между злом и добром невозможен...»	18
Несебр	20
«Я в коконе жизни проделала узкую дверку...»	21
«На дворе заметно посвежело...»	23
«Вы опять обделались от страха...»	24
«В туманном зеркале прохлады...»	25
«Осенняя река, спокойна, величава...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**В начале было слово
Мысли в стихах,
фельетон, пародии**

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2019

ISBN 978-5-4496-6419-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В начале было Слово

Земля каруселью летит, вращая латунные стрелки, и солнца бессменный софит работает в качестве грелки, и старый шарманщик, шутя, мотает нехитрую пряжу, – из семечка будет дитя, а кто оно, время покажет. И снова, и снова, и вновь он крутит свою рукоятку, и людям внушает любовь, а люди на ненависть падки. Мелодии чистых сердец забил оглушительный скрежет, а смерть – неподкупный истец, без выбора ровницу режет. Кто прав, кто неправ, – всё равно, – оборваны хлипкие нити, всё новое было давно, кружится шарманка событий. Но грешен и слаб человек, всего ему, смертному, мало... Отмерен шарманщиком век, и жизнь не начнётся с начала.

Я пила эту жизнь горстями, из сусальных причастных чаш, я питалась её вестями, я менялась с ней баш – на баш. Но пришла я однажды в полночь за советом к одной звезде, чья известна заблудшим помощь, и ответила – «быть беде» – мне звезда на мои терзанья, на вопросы мои и плач. «Ты всегда всюду будешь крайней, не спеши, давай, не чудачь. Посмотри, как осталось мало, – три пригоршни, да часть пути...» Так звезда мне в ночи шептала, чтобы душу мою спасти.

«Склоняюсь пред роскошеством твоим...»

Склоняюсь пред роскошеством твоим,
Великое, незыблемое Слово!
Изрёк тебя Господь, непогрешим,
И было в мире к счастью всё готово,
Да только набежали «мудрецы»
С безумным неумелым толкованьем,
Их поддержали жалкие льстецы,
А тех – лжецы с восторженным камланьем,
И понеслась нелёгкая... Как знать,
Кем были бы поэты в наше время,
Когда б могли со Словом совладать,
Господнее неся святое бремя,
Непогрешимо совестью своей
Соразмерять и литеры, и звуки?
Увы, с крикливой наглостью гусей
Они трубят, кто сдуру, кто со скуки
О пустоте и пишут в пустоту,
Терзая Слово, посланное Богом,
И ловит бред их кто-то на лету
В своём мировоззрении убогом.
И недосуг им думать, что за всё
Ответим пред Создателем однажды,
И Слово изречённое спасёт

Лишь тех, кто наш язык убить не жаждал
Ни вывертами речи, ни строкой,
Сбивающей кого-то с панталыку,
Ни выдуманым слогом и рукой
В свою дурную грудь потом не тыкал,
Мол, вот он я, отличник и писец,
Почти что классик, обитатель Леты,
Так натрудил в писаниях крестец,
Что даже вышел прямиком в поэты!

*

Увы, язык, страдалец дерзновенный
В стране, где ложь заполнила сердца,
Не быть тебе реликвией нетленной,
Претерпевая с теми до конца,
Кто, умирая за живое Слово,
За веру, что растоптана ворьём,
Узнал, что жизнь лишь потому сурова,
Что мы во лжи, как в патоке, живём!
И больно мне смотреть на поколение,
Чьи мысли куцы, как невнятный бред,
Кто принимает бляенье за пенье,
И для кого авторитетов нет.

«Лавандово-полынный ветер пряно...»

Лавандово-полынный ветер пряно
Объял селенье жаркою волной,
Он замахал ветвей крылами рьяно
И закружился в вихре, как шальной.

Он задышал взволнованно и часто,
На гулких трубах тонко заиграл,
Он в двери беспардонно застучался,
Взметая придорожной пыли вал.

Литавры грома охнули со стоном,
И затянула солнце тучи темь.
И дождик грянул по камням со звоном,
Смочив живой водою душный день.

А после глянец розовый заката
Горел над перевалом вдалеке,
И облака, гонимые пассатом,
Купали отражения в реке...

«Месть тиранов – сырое блюдо...»

Месть тиранов – сырое блюдо,
Но его подают горячим.
«Пусть отведают гнев, паскуды,
Мы державных обид не прячем.

Убивая вас, врём красиво,
Чтобы знали, как вякать праздно.
Пусть немного выходит криво,
Но, как видите, не напрасно.

Трепещите, тогда не тронем,
Может быть, и объедков бросим.
Скоро всех на тот свет погоним,
Как в тридцатых, – как траву скосим.

Над богатством не стыдно чахнуть,
Нынче нищим быть недостойно.
Деньги нефтью и кровью пахнут
Этой массы народа дойной,

Но без них не бывает власти,
А плебейм вранья довольно.
Мы – бандиты державной масти,
Нам народ убивать не больно.

Не из ряда вон, всё законно,
Скот на бойне – на рынках мясо».
Ложь с экранов течёт зловонно
Под продажных подонков пассы.

В уши – ужас, а в рот – затычка,
Больше праздников и салютов!
У тиранов одна привычка —
Свой народ ненавидеть люто.

И опять стукачи в фаворе, —
Подлецам ли грустить о чести!
Нет трагичнее тех историй,
Что вещают о царской мести.

Романс перед грозой

Томительно и нежно пахнут розы
И тянут в окна розбеги шпалер.
Дождь неохотно протыкает воздух
И размывает дымкою пленэр.

Крадётся ветер, прядает ветвями
И проникает в окна без помех,
И светляки за ним летят роями
На занавески в поисках прорех.

Там, за горой, вдали грохочут грома,
Гроза вот-вот обрушит Божий гнев,
На крышу моего нацелясь дома
И гомоня басами нараспев.

А горлицы со стонами скликают
Своих любимых, прячась в деревьях,
И тучи темь вечернюю сгущают,
И первобытный навевают страх.

Без Бога

Метаться поздно, продана страна
И предан Бог. Разменной монетой
Над подлой бранью катится луна,
И ночь сияньем адовым согрета.

Невинный разум тщится опознать
Былых святынь поруганное имя...
И плотную толпой кочует рать,
Влекома в бездну присными своими.

Ей так знаком страдательный падеж
И содомитов щедрые ладони!
Век ужаса приветствует невежд,
Сам сатана воссел на царском троне.

Вертепы в храмах музыкой гремят,
А на амвонах веселится нечисть,
И бесовской разлит повсюду смрад,
Как будто Богу и ответить нечем.

Спираль молчанья захлестнула люд,
Ведь смерть бывает «не со мной – с другими»...
А в алтарях еретики снуют,
И мерзость запустения – над ними.

«Бастарды века, парии страны...»

Бастарды века, парии страны,
Где красное от крови стало чёрным,
Пожалуйте на бал у сатаны,
Куда вы все стремились увлечённо.
Там мумии протухшие смердят
В добротных и сияющих ковчегах,
Над ними звёзды выстроились в ряд
И холуёв, – как летошнего снега.
Пляшите, что ж вы, трубы без сурдин,
И скрипачи наяривают лихо,
И ваш «Титаник» чешет мимо льдин,
Без устали готовый паром пыхать.
Ну, что ж вы, вот же, будущее ждёт,
Оно вцепилось намертво в форштвень...
И только корабельный знает кот,
Когда заря желанная взойдёт,
И всем сам чёрт жратву положит в рот,
И адовым огнём забрезжит темень.

«И промолчали. И свершился век...»

И промолчали. И свершился век.
Взошёл Антихрист в золотой короне.
И стал рабом не Бога человек,
А нечисти, усевшейся на троне.

Просил царя и... допросился люд.
«Вот царь вам по ранжиру и по чину!»
Его адепты на крестах распнут
Всех, кто Христа из сердца не отринул.

Но остальным свободы не видать,
Как ни лижи туфлю иезуита...
Предавшая Христа, толпится рать
Бездумных и безумных у корыта,

Где хлёбово налито. Суетсяь,
Владыки к недрам спешают ада,
Где им «подарки» заготовил князь
Рогатый. Патриархов ждёт награда

За паству, приведённую на дно
Смердящей и огнём кипящей бездны, —
Из чаши гнева ярости вино
Пить тем, кто жил для веры бесполезно.

Кто на амвонах пляски затевал,
Самим плясать на углях негасимых.
Апостасийный завершится бал
На безобразных выжженных руинах.

«Судьба меня не баловала...»

Судьба меня не баловала,
Но я потворствовала ей
И испытала бед не мало,
Не накопив себе рублей.

Учителя мои в могилах,
Взыскать мне не с кого, увы.
И, если б хворь не посетила,
Я б не сносила головы.

Я не боялась ни засады
И ни наветов от врагов.
Я антидотами от яда
Считала разум и любовь.

Душой бездумно не кривила,
И всех простила, не кляня.
Была со мною Божья сила,
Она и вынесла меня

На свет, что тварен и прекрасен,
Как чистой истины рассвет,
А мир, безумен и опасен,
Растаял в дымке, словно бред.

Мне жаль лишь хлопоты пустые
И время, что не пустишь вспять,
И обороты холостые,
И жизнь, что снова не начать.

«Компромисс между злом и добром невозможен...»

Компромисс между злом и добром невозможен,
Как ни пробуй зверё и людей уравниять.
Мир всегда был немирен, обманчив и сложен,
Но равны ли в правах крепостные и знать?

Ничего не меняется тысячелетия.
Современны ли мы, если время – ничто?
Власть не сдобу бросает в толпу, – междометья,
И невежество пыжится, судьи-то кто!

Искалечено общество, души в загоне,
И куражатся бесы за красной стеной.
Вся страна мчится в пропасть в безумном вагоне
И мечтает вернуться, в лету канувший, строй.

Что за чувство – любовь в узурпаторах власти?
Жажда миром владеть их заводит в тупик.
Величайшее зло и большое несчастье,
Если холод в сердцах поселился владык.

Вот уже миновало столетие бреда,
Рецидив, как диагноз, стоит у дверей.
Про насилие с пытками вашего деда

Много разных инструкций лежит у зверей.

Несебр

Вечный город пахнет пылью,
В тесных улочках ветра.
Чаек выбелены крылья, —
Птиц пронзает эскадрилья
Небо серое с утра.

Море пенится и плещет,
В сонном мареве восток...
Дум моих коснулся вещей,
Из щелей ворвавшись, трещин,
Дыр небесных, – ветерок.

Что он выветрит, не знаю,
Голова моя седа.
Я мечтаю не о рае,
Я сама себя караю,
Я погибла навсегда.

Этот город, как звучанье
Из навечно сжатых губ...
И прощенье, и прощанье
Бережёт его молчанье,
Чей давно мне голос люб.

«Я в коконе жизни проделала узкую дверку...»

Я в коконе жизни проделала узкую дверку,
Протиснуться трудно, держать оборону легко,
Ведь жизнь оказалась совсем не такой на поверку,
Как в самом начале, где в горло текло молоко.

Она не лучилась от счастья, и тутовым червем
Мотал вокруг меня свои нити, мной прожитый, век.
И нить сопрягалась с судьбой, как с оборванным нервом,
А каждое слово моё до меня кто-то рек.

И нового не было в этом бесцельном круженье,
Лишь бабочкой зрела внутри подсознания душа.
И часто её колебало, как ветром, сомненье,
И часто за ней не водилось, увы, ни гроша.

Но вот и замкнулся виток, как последняя малость,
Как подвиг незримый, проплаканный мною насквозь.
Из дверки смотрю, – так немного от жизни осталось,
А вере с надеждой любви повстречать не пришлось.

Бушуют повсюду словес громовые раскаты,
И страсти кипят, застилая пресыщенность глаз.
И больше ничто на земле опустелой не свято,

И разума свет незаметно для мира угас.

А я всё смотрю и не чаю от горя ослепнуть,
И жалость ползёт в моё сердце превыше начал...
Как в этой пучине бездумной Сознанию окрепнуть,
Когда даже кокон Земли человечеству мал.

«На дворе заметно посвежело...»

На дворе заметно посвежело,
Гладит ветер-с-севера траву.
Вечный звёздный пояс, млечно-белый,
Запоясал ночи синеву.

Кружится земное веретёнце
И мотает пряжу зим и лет...
Я смотрю из мутного оконца,
Как луна роняет зыбкий свет.

Как она, безстрастно-безучастна,
Равнодушно движется в выси,
Словно мне внушая, – жизнь напрасна.
Но шепчу я: «Господи, спаси!»

Распогодит утро хмарь и морок,
Выцветит ночное забытьё,
Вместе с солнцем выйдя на пригорок,
И благословит моё житьё.

«Вы опять обделались от страха...»

Вы опять обделались от страха,
Нищие безумные рабы!
Липнет к телу потная рубаха,
В ряд стоят отверстые гробы.

Похоронят вас, не сомневайтесь.
Лишь под смех властительных врагов
Вы друг с другом поактивней лайтесь,
Подле их пластаясь сапогов.

И, рассеяв кровь свою по миру,
Затянув потуже пояса,
Кланяйтесь плешивому сатиру,
Отдавайте катам голоса.

Вы им заложили правду даром,
Вы надежду с верой обрекли,
Сами став воистину кошмаром
Для своей поруганной земли.

«В туманном зеркале прохлада...»

В туманном зеркале прохлада
Угасших чувств, ушедших лет...
Мне ничего уже не надо,
Лишь только видеть горний свет.

Вся жизнь прошла, как наважденье,
Её преследовал обман.
Есть лишь в молитве утешенье
И исцеление от ран.

Скушна мне видимость земная,
Где бред царит и суета.
Я в мутном зеркале растаю,
О бренном думать перестав.

И пусть клянут за непохожесть
Меня опять мои враги,
Любовью жизнь свою итожить
Мне, Боже правый, помоги!

Уйду, ни с кем не попрошаюсь,
Желаний прах с себя стряхнув
И перед Господом покаясь,
С молитвой тихою усну...

«Осенняя река, спокойна, величава...»

Осенняя река, спокойна, величава,
Несёт с верховий сор и палую листву.
Прозрачна и чиста, смирила гордость нрава
И держит ветви ив теченьем на плаву.
Она забыла вновь и ливневое буйство,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.